

«Я “прощайте” Вам не сказал»: личность Э.В. Ильенкова в стилистике его работ

С.М. Климова

В статье исследуются субъективные элементы объективной философии Э.В. Ильенкова; они раскрываются в процессе изучения стилистических особенностей его работ. Идеи Ильенкова воплощались в нешаблонной языковой манере, соединяли научный дискурс с живой, почти разговорной речью, усиленной специальными методическими приемами. Реконструкция языковых особенностей его текстов позволяет взглянуть на советскую философию сквозь призму личности философа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ильенков, смешанный стиль, личность автора, творческая лаборатория мыслителя.

КЛИМОВА Светлана Мушаиловна – доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”.

Цитирование: *Климова С.М.* «Я “прощайте” Вам не сказал»: личность Э.В. Ильенкова в стилистике его работ // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 89–100.

Voprosy Filosofii. 2016. Vol. 11. P. 89–100

«I Didn’t Say You “Good-bye”»: Personality of E. V. Ilyenkov in the Style of His Works

Svetlana M. Klimova

The article deals with the subjective elements of the objective philosophy of E. V. Ilyenkov as they are expressed in the style of his works. Ilyenkov presented his ideas in an unorthodox manner, combining the scientific discourse with a lively, almost colloquial speech, reinforced by special methodological operations. Reconstruction of the speech characteristics of his texts allows to look at the Soviet philosophy through the prism of the philosopher’s personality.

KEY WORDS: Ilyenkov, mix style, philosopher’s personality, creativeness of thinker.

KLIMOVA Svetlana M. – DSc in Philosophy, Professor, National Research University “Higher School of Economics”.

Sklimova@hse.ru

Citation: *Klimova S.M.* «I Didn’t Say You “Good-bye”»: Personality of E. V. Ilyenkov in the Style of His Works // *Voprosy Filosofii*. 2016. Vol. 11. P. 89–100.

«Я “прощайте” Вам не сказал»: личность Э.В. Ильенкова в стилистике его работ

С.М. КЛИМОВА

Вот и видимся, дорогой мой,
Не расстанемся никогда
В добровольной и беспокойной
Сфере творческого труда.
А.В. Суворов, 23 марта 1979

I

Творческое наследие Э.В. Ильенкова важно не только с содержательной, но и со стилистической точки зрения. Большой интерес представляет реконструкция языковых особенностей его текстов, его неповторимой манеры переживания идей. Стилистические особенности философских работ Ильенкова отражают его теоретические усилия по популяризации марксистской философии. Его дискурс позволяет нам увидеть убежденного марксиста, опирающегося на классические представления о природе философского знания как исключительно научного, объективного, сознательно элиминирующего из своего анализа субъективное начало – собственное “Я”. При этом его идеи были изложены в оригинальной, живой стилистической манере. Стилистика Ильенкова невольно указывает на личностное, субъективное, авторское начало в работах, отражает присутствие в них “биографизма и психологизма”, что позволяет раскрыть его внутренний мир, может быть, даже больше, чем этого бы хотелось их творцу. В данном случае авторский текст мы рассматриваем как некоего субъекта, с которым выстраиваем диалогические отношения. “Эти особые отношения нельзя свести ни к чисто логическим, ни к чисто предметным. Здесь встречаются целостные позиции, целостные личности (личность не требует экстенсивного раскрытия – она может сказаться в едином звуке, раскрыться в едином слове), именно голоса” [Бахтин 1979, 300].

II

Произведения Ильенкова укладываются в определенную формально-библиографическую структуру¹; включают в себя философские монографии, главы из книг, научные, энциклопедические, журнальные статьи, а также газетные заметки, диалоги, интервью, военную публицистику, рукописи, рецензии и частные письма. Не претендуя на исследовательскую полноту, в статье в обобщенном виде мы представим результаты сравнения некоторых текстов из разных типов данной библиографической “структуры” и сделаем ряд выводов об общих и особенных проявлениях стилистики, обнажающей специфику мыслительной лаборатории и личности пишущего.

Во всех работах Ильенкова поражает некая *дискурсная общность*. Чтобы мы ни анализировали – письма с фронта совсем еще молодого человека или его последние интервью, представляющие многогранность личности известного философа, всюду чувствуется его неповторимый узнаваемый авторский стиль и манера изложения. Это кажется неслучайным. Ильенков смолоду понимал всю важность формы, указывал на ее дидактическую функцию при объяснении/вовлечении людей в мыслительный процесс. Об этом он одинаково убежденно писал как, например, в своих заметках военного корреспондента в 1945 г., так и в теоретических работах, посвященных гегелевской или марксовой диалектике в 60–70-е гг.; этой же теме уделено внимание в публичных дискуссиях, например, по поводу создания философского клуба или проведения “Загорского эксперимента”. “Гвардии старший лейтенант Ястребов правильно понял, что теоретические сведения нельзя подавать в отвлеченной форме, что они важны постольку, поскольку могут помочь бойцу понять те

или иные мероприятия, связанные с работой у орудий, приборов, заставить его сознательно относиться к повседневной практике артиллерийского дела” [Ильенков 1945]. В конце жизни он повторяет по сути эту же мысль в отношении постижения философии: “как это ни парадоксально звучит, степень увлекательности пропорциональна степени глубины и содержательности. Обратной зависимости здесь нет” [Ильенков 1975, 15]. Его устной речи также свойственна подобная увлекательность; возможно, она и не была столь же безупречна, как письменная, но в ней всегда проявлялась его неординарная личностная позиция, сохранялся главный ильенковский посыл – это была “зрячая мысль”: “Говорил Эвальд очень убедительно, с нажимом, но так, словно убеждал себя сам. В недоумении разводя руками, драматизируя постановку проблемы. Не спотыкался, слов не искал, но и соловьем не был. Четкая ясная мысль, остро заточенное слово. Ни речь свою, ни самого себя не украшал какими-либо эффектными приемами... главным принципом было: делать сложное – простым, а не простое – сложным. Поэтому-то его тексты всегда узнаешь среди других” [Науменко 2004, 83].

Язык работ Ильенкова, его стилистика позволяют говорить об образе не только советского, но и в какой-то мере русского философа, “не только по крови, но и по духу” [Межуев 2004, 277–278]. Его дискурс отражал особое художественно-понятийное своеобразие, сочетание жизненных примеров, художественно-поэтических образов и символического языка: поэзии, кинематографа, живописи. Весьма по-русски выглядит его мировоззренческая страстность – искренность, жизненная позиция, воплощенная в эмоциональном слове. Авторский уникальный голос, неповторимый почерк и “национальная” манера философствования прорываются сквозь толщу самых что ни на есть классических философских проблем и традиционного философского дискурса, раскрываются в постоянном использовании “нелогичных” художественно-публицистических и полемических приемов: афоризмов, притчи, метафор, сказок, басен, жизненных историй. “Трусливый нигилизм”, “жареные рябчики абсолютных фактов”, “трон авторитета”, “любители легкой жизни в науке”, “безмозглая Рука”, “подслушивающее Ухо” и т.д. – это лишь некоторые из речевых оборотов; его метафорическая палитра настолько широка, что свести ее к каким-то отдельным примерам сложно. Безусловно, все это могло бы остаться “частным случаем” авторской стилистики, если бы не ее сочетание с полемическими наклонностями и твердой мировоззренческой позицией страстно верующего в истинность коммунистических идеалов человека.

При этом “русскость” была опознаваема и благодаря “самобытным приемам русской полемики” [Соловьев 1914, 268], вовсе ему не чуждым, заключающимся в категоричности суждений, острокритическом и непримиримом восприятии чужой мысли, нежелании сочувственно принимать иную точку зрения, порой граничащее с нетерпимостью в отношении всякого рода инакомыслия. Эти “приемы” отличали еще русских западников и славянофилов, демократов и либералов на протяжении всего периода их дискуссий; характерны они были и для большевиков, особенно, Л. Д. Троцкого или В. И. Ленина¹, столь любимого Ильенковым. “Полемист он был первоклассный. Да нет, не просто полемист – боец. Жесткий, напористый, агрессивный, временами даже жестокий. Не по натуре, нет. Он был добрый человек. Эта жесткость – твердость его теоретической позиции и шире – принципов” [Науменко 2004, 93].

Следы страстей подобного рода находим в известной полемике с профессором Д. И. Дубровским, которого в запале теоретического гнева Ильенков умудрился обвинить во всех смертных грехах, даже в желании “селекционировать младенцев”. «Очень худо, если мы возложим на нейрофизиологию обязанность определять (да еще на основании генетического кода!), по какой именно “социально-биографической траектории” надлежит направлять младенца: какому уже с колыбели предписать карьеру музыканта, какому – математика, а какому – космонавта, кого пустить в балерины, кого в портнихи. Признаемся откровенно, мы очень скептически относимся к самой идее составления гороскопов, к идее гадания на еще не перебродившей гуще нервной ткани. Не помогут тут достигнуть “научности” ни самые совершенные “математические методы”, ни самые совершенные типологии и классификации церебральных особенностей, ни какие-либо другие чу-

деса науки будущего. И уж подавно недоверчиво склонны мы относиться к надежде на то, что такого рода гороскопы будут способствовать прогрессу рода человеческого... Может быть, Д.И. Дубровский скажет нам, что он ничего подобного делать не хочет и что мы доводим его здравую мысль до абсурда, чтобы легче было дискредитировать ее в глазах читателя? Ну что же, и на том спасибо. Но в таком случае пусть он разъяснит нам, а на что еще может годиться чаемая им точная и строгая классификация генетических церебральных особенностей младенцев, скоррелированная с психическими различиями, с различиями “задатков” и даже “способностей”? К какому еще благому начинанию ее вообще можно применить?» [Ильенков 1968^б, 147]. Комментарии, как говорится, излишни: софистические приемы полемики налицо. Такая манера вести дискуссию, ядовито-иронический тон, риторические вопросы, доминирующие здесь, демонстрируют образ человека не только убежденного в своей правоте, но и безапелляционно раздраженного любого рода инакомыслием, слишком непримиримого борца и истового верующего марксиста даже с соратниками по цеху.

Парадокс, однако, заключался в том, что подобная полемическая страстность философа стала условием его оппозиционности серому официально-бюрократическому, казенному языку советской философии гораздо больше, чем некоторые его содержательные идеи и коммунистические мечтания, во многом ставшие всего лишь историческими маркерами “ушедшей эпохи”.

Каркас ильенковских текстов скреплен личностью их автора, обладающей ярко выраженным психологическим, художественным и идейно-мировоззренческим “Я”. Читая его работы, представляешь сильного, цельного, имеющего твердые убеждения и принципы человека. В то же время возникает и остается ощущение тонкого психологизма, ранимости их автора, его житейской незащищенности. Это книжное впечатление совпадает с живыми воспоминаниями о нем одного из близких друзей: “Будучи по внешнему виду человеком вагнеровского типа, мыслителем-затворником, колдующим над своими склянками и ретортами, Ильенков был натурой страстной, увлекающейся, т.е. вполне фаустовской. Слабое здоровье не всегда позволяло ему находиться в гуще жизни и борьбы, но душой он всегда был там: его волновали, а порой и очень огорчали все значительные события и в общественной, и в политической, и в научной сфере. Как бы ни был он предан науке, его влекли к себе с неодолимой силой жизнь и борьба. Видимо, так и должно происходить со всякой действительно высокой наукой: она уходит своими корнями в жизнь, а ее крона открыта всем бурям современности” [Мареев 1990, 61–62]. Зная о его трагической судьбе и страшной кончине, невольно пытаешься уловить следы грядущей трагедии в его логичных, стройных и цельных произведениях.

Ярче всего страстная натура Ильенкова проявляется в немногих сохранившихся юношеских письмах с фронта. Они, пусть и скупы, но красноречиво раскрывают нам амплитуду эмоциональности, многогранность художественного таланта молодого человека, способного страстно любить жизнь, женщину, музыку, поэзию, литературу и воплотить это в почти литературную отточенную форму в частном письме. Письма можно назвать демонстрационными образцами становления личности будущего философа. В них поражает как художественная целостность, завершенность, уравновешенность мысли и чувства, так и нервная поэтичность, даже пафосность, обнажающая некоторые интимные признания Ильенкова, одновременно воющего со смертельным врагом солдата и юного влюбленного, тоскующего по своей избраннице. Приведу пример. «Вот выпала сейчас снова возможность написать кому-нибудь письмо (а за такую возможность хватаешься, как утопающий за соломинку) – и опять пишу тебе – больше ведь никого не осталось из друзей, с кем можно поделиться мыслями и чувствами, которыми так богата сейчас моя жизнь... Каждый день приносит столько новых впечатлений, что разобраться в них нет никакой возможности сразу... Ведь сейчас передо мной – картина крушения огромного государства, по величию не имеющая себе равных... Припоминается финал “Гибели богов” Вагнера... Старик, женщины, дети... Судьба их очень трагична... Поляки не хотят ни приютить, ни дать им куска хлеба... Ну а солдаты – не стоит описывать, как с ними обходятся... Несмотря на строгие приказы... Уж очень накопело сердце... Тысячи судеб, тысячи жизней переплета-

ются в страшном узоре этой гигантской катастрофы... Трудно сказать, что я испытываю при виде всего этого... Да, нет сейчас большего наказания и позора, чем быть немцем... Но судьбы этих людей, такие, в отдельности взятые, трагичные, кажутся такими мизерными на фоне день и ночь бушующего на этой земле возмездия... Дымные зарева над городом Д., пронизанные кометами “Катюши”, вспышки чудовищных разрывов и гром, грохот, от которого глохнут уши... Эта феерия настолько чудовищно-величественна, что человеком, способным на проявление чувств, себя ощущать перестаешь... Чувствуешь себя частью этой разгоревшейся стихии, и на все остальное смотришь с какой-то внешней точки зрения...» [Ильенков 1997, 223–224].

От этих романтических признаний веет страшной музыкой смерти, картинными описаниями Германии, гибнущей “в волнах разлившегося Рейна”, патетическим восторгом перед “гибелью богов”, происходящим на фоне почти не замеченных им отдельных судеб людей на войне. Здесь поэтическое и романтическое, казалось бы, перевесили реальный страх и ужас солдата перед кровью и смертью на войне. Читая его письма, невольно приходит на ум сравнение с героически-поэтическими восторгами Андрея Болконского или Пети Ростова, так много в них литературного и нарочито идеализированного. Сложно оценить характер писавшего эти строки, но кажется, что перед нами эстетически сформированный молодой человек, с художественным даром, использующим его как для обольщения любимой девушки, так и для поэтизации переживаний страшных моментов истории.

При этом его не поэтическая, а интимная, подлинная эмоциональность порой также зашкаливали в письмах, но вовсе не тогда, когда был “вписан в Историю”, поэтизируя кровь и смерть народов или своих товарищей, все неприглядные ужасы войны, а когда его субъективные любовные страдания становились почти физически невыносимыми. В этот миг поэтическое отступало и появлялся “Вадька”: любящий, выпивающий, кающийся, пропавший, бесстрашно обнажающийся, не похожий на своего романтического “вагнеровского” героя. «Я в Москве, такой пустой и никчемной без тебя... Меня все время не покидает чувство, похожее на то, которое охватывает, когда ждешь без дела долго не прибывающий поезд. Ни на месте не сидится, ни заняться ничем не могу. Ходишь-ходишь, как Агасфер, так и тянет к бутылке. Это я перед тобой оправдываюсь на тот случай, если твоя мама напишет тебе, что “Вальдек окончательно пропавший человек, которого среда заела и с которым знакомства лучше не водить”... Никак я не пойму, за что она меня так мучает. Я приду тихо-мирно на фотографию твою посмотреть, а тут и начинается...» [Ильенков 1997, 212–213]. Из писем ясно следует, что для него любовь становится формой самооткровения, самопознания: “Ты – это я, моя”, “Родина для меня – это ты”; отражает юношеский максимализм и неконтролируемое разумом чувственное начало. Об этом же свидетельствуют и неоднократные просьбы выслать фото, локон волос, отправка любимой лирических стихов, рассуждения о любовной лирике и т.п. Когда литературное отступает, перед нами появляется обыкновенный юноша, обладавший всеми эмоциями своего возраста.

III

Пройдет время, и известный советский философ станет борцом со всякого рода субъективными отклонениями личности, отстаивая исключительно научный подход не только в познании, но даже в художественном творчестве. За этой убежденностью, за поиском объективности, за неприятием “научной биографии”, эмоций юности или биографических черновиков чувствуется нежелание обнажаться, прятанье от всех самого себя: нервного, эмоционального, переживающего, не всегда уравновешенного и уверенного в себе человека, отмеченного не только даром творца, но и всеми слабостями творения.

Как ни странно, но ярче всего подобные ассоциации возникали у меня во время чтения его теоретических трудов, например, размышлений о диалектике абстрактного и конкретного, индивидуального и особенного в научном познании. В книге «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” К. Маркса» Ильенков высказал непримиримую позицию в отношении оценок раннего Маркса некоторыми западными учеными, разоблачая их попытки переписать марксизм на языке субъективности. Споры о взаимоотноше-

нии “двух Марксов” – раннего и позднего – стали общепринятыми в философии в 50–70-е годы XX в. [Ойзерман 1974]. Многие экзистенциалисты, персоналисты увидели в раннем Марксе ключ к своим собственным идеям, пытаясь связать “ранние рукописи” и “Капитал” живой нитью личностного начала. Примирить “Маркса с Кьеркегором” мечтали К. Ясперс, А. Ниль, Э. Мунье и др. С точки зрения Ильенкова, это был чистейший ревизионизм и эклектизм, с которым необходимо бороться: «“Капитал” в итоге изображается как “испорченная форма выражения” концепции так называемого “реального гуманизма”, развитой-де Марксом и Энгельсом в 1843–1841 гг.» [Ильенков 1960, 125].

Отстаивая идею единства предмета и метода, он противопоставлял мышление ученого, познающего объективные законы бытия, разного рода субъективистским “псевдофилософским” теориям, акцентирующим внимание на значимости личностного фактора. «Основоположник экзистенциализма Карл Ясперс прямо начинает свою атаку на марксизм с заявления, что вся теория Маркса основывается “на вере в единое” и имеет характер “тотального воззрения”. Эта вера, вера в то, что мышление может охватить свой предмет во всей совокупности его необходимых сторон, постигать его как “единство в многообразии”, есть, дескать, устаревший философский предрассудок, от которого “современная наука” отказалась. “Современная наука в противовес единой марксистской науке партикулярна”, – вещает Ясперс, – она давно отринула от себя гордыню и смирилась с тем, что ей доступны только “частности”. “Единство знания” – по Ясперсу – это недостижимый идеал, миф» [Ильенков 1960, 82–83]. Смириться с подобными заявлениями Ильенков не мог; более того, все его творчество было направлено на доказательство “от противного”: обоснование общественной природы личности, раскрывающей свою суть как “ансамбля общественных отношений”. Сегодня такая позиция в отношении Маркса активно оспаривается в литературе [Кондрашов 2016].

Теоретические трансформации – реальный процесс эволюции идей, их неизбежных изменений, диалектического развития мысли. Исходя из этого, однако, мы не можем пренебрегать субъективным процессом их становления – научной биографией ученого, его архивами и рукописями как “побочными несущественными факторами”. Но их-то и игнорировал Ильенков, пытаясь противопоставить “двух Марксов” в своих размышлениях. «... О мыслителе и нельзя судить по тому, что он сам о себе думает. Гораздо важнее (и труднее) выявить объективное, предметное значение его взглядов и их роль в процессе развития науки в целом. Поэтому подлинный смысл фактов научной биографии, подлинная последовательность развития научных определений и не может быть обнаружена на пути чисто биографического исследования. Зачастую действительный прогресс научного знания (т.е. систематическое продвижение мысли к конкретной истине) существенно расходитсся с простой хронологической последовательностью... Учитывая все это, и можно сделать вывод, что все характерные черты метода исследования Маркса выступают с наибольшей отчетливостью и чистотой именно в “Капитале”, а вовсе не в черновых набросках, не в выписках и соображениях, непосредственно возникавших в его голове в ходе озаконления с экономическими фактами...» [Ильенков 1960, 124].

Безусловно, между жизненной и научной биографией нет прямой корреляции. Но это не значит, что из творческого процесса можно что-то элиминировать, взять в скобки, не учитывать, особенно если речь идет о масштабной личности. Ильенков, по сути, сделал бессмысленным разговор о творческой лаборатории мыслителя, его субъективных переживаниях, уникальном процессе разворачивания идей, не всегда совпадающем с конечными результатами. “Главное преимущество “способа изложения”, имеющее отнюдь не литературно-стилистический характер, состоит как раз в том, что автор “Капитала” не излагает в догматически-дидактической манере готовые, неизвество как полученные результаты, а продельывает *на глазах читателя* (курсив мой. – С.К.) весь процесс получения этих результатов, весь приводящий к ним процесс исследования... Способ восхождения от абстрактного к конкретному не соответствует тому порядку, в котором те или иные стороны исследуемого предмета по тем или иным причинам попадали в поле зрения как отдельного теоретика, так и науки в целом. Он ориентируется исключительно на ту последовательность, которая соответствует объективному взаимоотношению различных моментов в со-

ставе исследуемой конкретности (“тотальности”). А эта подлинная последовательность, само собой понятно, осознается не сразу. Поэтому оправдание метода восхождения от абстрактного к конкретному и нельзя искать к фактам, касающихся научной биографии того или иного теоретика и даже исторического процесса развития науки в целом» [Ильенков 1960, 121–122].

С одной стороны, это так: излагая научный результат, ученый вправе пользоваться избранными методами в изложении идей по своему усмотрению. С другой стороны, этот факт не отменяет значимость индивидуальной и одновременно исторической работы, сделанной им в поисках истины, его субъективных переживаний и интимной сопричастности истине. Если бы истина существовала вне времени и пространства субъектов, ее порождающих, это заявление могло бы нас убедить. Но вряд ли такой взгляд правомерен, даже для ограниченного исторического пространства. Возникает ощущение, что советский философ готов был лишить любого художника и ученого, в том числе и себя самого, как научной, так и жизненной биографии, суживая рамки личности, авторского “Я”, своего неповторимого голоса, чувственного мира, манеры мышления до универсального “Я”, “человека-идеи”, отражающего законы всеобщего развития, подчиняя свое частное служению высшим идеалам. При этом все субъективное и особенное для него лишь “случайные” погрешности на пути становления мысли, которые спокойно можно элиминировать из познания истины как что-то несущественное. В этом вопросе он проявил непоколебимую уверенность, тем более странную, чем более оригинальными были примеры для обсуждения: например, размышления о природе гениальности, вскрытые в споре с Д.И. Дубровским, или выводы о жизненной судьбе Алеши Панова, обладавшего гениальным слухом и талантом выдающегося пианиста в детском возрасте [Ильенков 1976].

Развитие идей, по Ильенкову, «должно отражать не абстрактно-всеобщее, а такое всеобщее, которое, согласно меткой формуле Ленина, “воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного”, представляет собой конкретное всеобщее» [Ильенков 1960, 45]. Особенно наглядно, с его точки зрения, это проявляется в единстве искусства, науки и философии, которые ищут одного и того же – универсального, хотя и проявляемого как особенное через единичное. «Чтобы покончить с вопросом “об индивидуальности” феноменов высокого искусства, скажу только, что с точки зрения логики, которой я придерживаюсь, речь может идти в любом случае вообще только и исключительно о “всеобщем” в составе всегда “особенного” и всегда “индивидуального” случая. Будь то треугольник или “Лозенгрин”, ибо “индивидуальное”, как *такое*, такая же абстракция, как и чистое “всеобщее”» [Ильенков 1991, 439]. Для “аристократа духа” – философа Ильенкова, как когда-то для молодого солдата, судьбы людей в общем-то оказались вторичны, по сравнению с реализацией того грандиозного замысла, которым были пропитаны и гегельянство, и марксизм. Авторскому “Я”, субъективности переживаний, проявляемых в разных типах текстов, здесь места не было. Он как будто бы не замечал принципиального несовпадения между философским и художественным отражением мира, специфики подходов ученого, философа или поэта. «Как правило, в виде “специфических признаков искусства” при этом перечисляются все те черты, которые на самом деле отличают диалектическое мышление от формально-логических операций, то есть те черты, в которых подлинная наука полностью совпадает с искусством» [Ильенков 1984^a, 214].

IV

В это время в советском литературоведении и психологии уже начали активно использовать биографический метод и даже экзистенциальный подход [Шкловский 1961; Ярошевский 1973], казалось бы не замеченные Ильенковым, который не раз повторял, что “Вагнер конгениален Марксу”, а “Анна Каренина” Толстого посвящена не столько индивидуальным страданиям частного человека, сколько обнажению социальных – *типических* противоречий эпохи. «Музыка – как и любое искусство – всегда индивидуализирует некоторое, “общественное” движение, если это слово понимать широко, т.е. верно, а не узкопсевдоистматовски, т.е. как движение “общественной души”. Ибо иной “души”

опять-таки нет, так как вся психика человека на 100% (а даже не на 99) есть и по генезису своему, и по осуществлению (хотя бы в языке науки, музыки, живописи) общественная функция, хотя непосредственно, разумеется, и всегда осуществляемая индивидом. Поэтому неправомерным мне кажется и Ваше суждение о конфликте “Анны Карениной”, что “суть расхождения в данном случае не в общественных, а в личных отношениях”. Это то же самое, как если бы я сказал, что то или иное противоречие отмечено в теории множеств, “а не в математике”... Общественных конфликтов, которые не выступали бы *как личные*, нет в мире так же, как нет “фигуры вообще”, и когда Вы хотите объяснить человеку теорему о треугольнике “вообще”, Вы рисуете вполне “единичный” треугольник. Мне кажется, что с общественным и личным в жизни дело обстоит не иначе, только “похитрее”, чем в простых геометрических соотношениях. И в искусстве “сугубо индивидуальный” случай, если сквозь него не просвечивает некоторое всеобщее, тоже, как и в науке, будь то общественная или естественная, интереса для художника (настоящего) не представляет...» [Ильенков 1991, 437–438].

Советский философ искусство, науку, философию представлял вполне по-гегелевски как последовательное диалектическое развертывание единой универсальной идеи. Он не находил никакой принципиальной разницы между “мышлением в образах” и “мышлением в понятиях”, ибо и то, и другое, с его точки зрения, реализуют всеобщее начало – труд, воплощающий все богатство человеческой культуры. «Марксизм-ленинизм показал, что такое гармоническое развитие способностей есть в столь же малой степени природно-физиологический дар, как и “божественный”. Он зависит от матушки-природы так же мало, как и от бога-отца. Он есть от начала до конца – и по происхождению, и по условиям своего возникновения, и по своей сокровенной сути – чисто социальный факт, продукт развития личности человека в соответствующих условиях; в условиях, позволяющих всем и каждому развивать себя через духовное общение с плодами человеческой культуры, через потребление лучших даров, созданных человеком для человека, трудами Маркса и Ленина, Ньютона и Эйнштейна, Рафаэля и Микеланджело, Баха и Бетховена, Пушкина и Толстого» [Ильенков 1984⁶, 274]. Отсюда вполне естественным казался для советского философа поставленный им знак равенства между писателем и политиком, философом и ученым, по-разному (образно или понятийно) реализующих одни и те же социально-политические задачи. Ничего нет более нелепого, чем объявлять Толстого, Гёте или Шекспира союзниками Маркса, Энгельса и Ленина; но Ильенков не просто объявлял, но и усиливал специальными речевыми приемами свои идеи. Например, он использовал прием повторов одних и тех же слов в предложении для усиления риторики. “Шекспир и Гёте, Щедрин и Толстой были естественными союзниками Маркса, Энгельса и Ленина в их революционной борьбе, и союзниками могучими” [Ильенков 1984⁴, 221]. С одной стороны, он пишет о свободе творческого (продуктивного) воображения, с другой стороны, настоятельно напоминает, что свобода есть не что иное, как “действие сообразно необходимости”.

Возможно, все это, взятое как демонстрация марксистских клише, осталось бы в прошлом, став не более чем историческим архивом. Однако за философской научностью, сквозь “мундир” объективности, к читателю прорывается живой страстный человек, остро переживающий свои убеждения. Увидеть это возможно на пути реконструкции его стилистики и языка, сочетавших философско-публицистическую, поэтическую, художественно-образную и даже “утопическую” аргументации; в ней воплотилось уникальное “Я” ни на кого не похожего человека. Прекрасной иллюстрацией является его книга “Об идолах и идеалах” (1968), использующая язык сказки, загадки, фантазии, художественного вымысла, даже басен и вытекающих из них моральных сентенций. Беллетристическая манера философствования обнажает авторский стиль, художественно воплощенный в фантастических приключениях некоего Адама Адамовича, литературного героя, альтер-эго автора. В художественной форме Ильенков ставит и решает серьезнейшие проблемы современной техноквилизации, вовлекая читателя в необходимость переходить от увлекательного языка вопросов к содержательным – научным, философским, этическим – ответам. «Адам Адамыч, согласен с вами. Давайте называть “машиной” систему, способную совершать целесообразные действия. Тогда человека и в самом деле придется считать ма-

шиной. Но как мы станем называть другие машины – скажем, вашу “Волгу”, мою пишущую машинку, электровозы, прокатные станы, токарные станки? Ведь никаких целесообразных действий они совершать не способны и, следовательно, машинами их назвать нельзя! Знаете, давайте-ка назовем их “человеками” – благо, это наименование кое для кого осталось “безработным” с тех пор, как они человека прозвали машиной...

– Вы опять за свое. Качественные отличия, цель, разум, воля, идеальное, возвышенное, привлекательное, трогательное! Цветочки-незабудочки! Поэзия, беллетристика! Тысячи лет стараетесь, а ни одного из этих понятий точно определить не смогли. Тоже мне, язык науки! Сами не знаете, о чем говорите! Все зависит от того, что понимать под словами “мыслить”, “цель” и так далее» [Ильенков 1968^a, 6].

В то же время беллетристическая форма письма вскрывает не только диалог автора с героем, но и внутренний конфликт мыслителя с самим собой. Будучи марксистом-объективистом, он должен был бы поддерживать, а не порицать своего героя по имени Интеграл, говорящего на искусственном языке, очищенном от всяких эмоциональных двусмысленностей и черновых набросков, ненужных человеческих переживаний и алогизмов. Но оказывается, что автор-Ильенков тоскует по сумбурному чувственному миру людей, качественным отличиям человека предпочитает универсально-всеобщее в нем, безличным идеям “умной машины” предпочитает “цветочки-незабудочки”: «А за вашим “качественным отличием” кроется просто старинная вера в некое сверхъестественное, если хотите, божественное чудо сотворения мыслящей материи. Уши всем вы прожужжали этим “качеством”!» [Ильенков 1968^a, 7] – сетует на него за это его визави, Адам Адамович, невольный двойник и оппонент своего создателя.

V

Хочется спросить: а насколько художественный стиль был сознательно избран Ильенковым, нельзя ли его считать лишь случайным примером творческой фантазии философа, противоположной его теории? Думается, что выбор был им вполне продуман; соединение научной рефлексии с убедительной авторской позицией характерно для всего его творчества. Как верно заметил Б.И. Пружинин: «В рефлексии обозначается... авторское ”Я” и именно на рефлексивном уровне субъективная авторская стилистика становится условием объективности и конкретности текста, а стало быть, и его адекватного понимания читателем» [Пружинин 2007 web]. Об этом же Ильенков прямо заявлял в интервью Игорю Клямкину, отметив, что философия необходима каждому человеку не только для развития индивидуального мышления, логических навыков или формирования общей эрудиции, но прежде всего для показа “ее органической связи с жизнью, другими науками” [Ильенков 1975, 15].

Нетрудно заметить некоторое сходство ильенковской манеры рассуждения с сократовской. Начало философствования – удивление, парадокс, “задевание слушателя за живое”, разговор на понятном всем языке – диалогично изначально. Язык всегда общедоступен, но не вульгарен или пошл. Пробуждать нешаблонный (не школярский) интерес к философии можно и должно в форме парадоксально поставленных вопросов, притч, анекдотов, афоризмов и метафор, комбинирования в речи сложного и простого, рационального и эмоционального, объективного и субъективного. Все фундаментальные труды Ильенкова, например, по гегелевской диалектике или Марксовой философии, абсолютно доступны “широким массам” по языку и манере изложения. Но нельзя забывать, что увлекательность и простота – всего лишь дискурсивный прием, условие для дальнейшего мыслительного погружения в суть предмета. Своей манерой Ильенков опроверг устойчивый стереотип большинства людей о заумности, непонятности философского языка, показав его способность “мимикрировать под читателя”, сохраняя в то же время научность и философский уровень проблематизации. В советской философии подобного стиля практически не существовало ни в вузовской практике преподавания, ни в научной или даже публицистической литературе, хотя, безусловно, были блестящие исключения³. Оттого стереотипные, порой мифологические представления о философии как “идеологической болтологии” упорно воспроизводились как на протяжении многих десятилетий культура со-

ветского “догмата-диамата” и “истмата”, так и в современных оценках критически мыслящих ученых.

Свою боль и требование развивать “правильный” язык философии Ильенков отразил в письме математику Г.Е. Шилову, сравнивая язык математики и философии. «Вы (Г.Е. Шилов. – С.К.) отгорожены от непрофессиональных вторжений в вашу область уже своим языком, мы – нет. Хотя у нас (у философов) свой язык тоже есть, – и я при желании мог бы тоже вступать в такой спор в броне своих непроницаемых для математика терминов, вроде “трансцендентальной апперцепции“, “в-себе и для-себя бытия”, “самости” и тому подобных профессиональных словечек. Я всегда вынужден делать *перевод* этих эзотерических выражений на “естественный язык”, – иначе Вы со мной и разговаривать-то не стали бы, – а мне разговор такой интересен, и я вынужден поэтому расшифровывать на естественном языке выражения, которые за собой имеют очень длинную и достаточно сложную историю. А этот перевод довольно часто и приводит к тому, что “расшифровывать” приходится все подробнее – вплоть до исходных определений и аксиом философии, уточнять их определения» [Ильенков 1991, 440].

То, что Ильенков был уникальным стилистом, способным самое сложное сделать художественно ясным и увлекательным, доказывает даже отзыв на автореферат его докторской диссертации, составленный кафедрой философии экономико-философского факультета РГУ: «На фоне серых, безликих, неряшливых в литературном отношении философских опусов работа Ильенкова отличается художническим отношением к слову. В условиях повального, почти патологического увлечения философами и околофилософской публики новейшими терминами, почерпнутыми из самооднейших научных дисциплин, автор, будучи отнюдь не хуже других знаком с достижениями современной науки, с удивительной твердостью прогивостойт терминологической диффузии, приводящей очень часто к непоправимому обесцениванию понятий. Заостренно провоцирующая постановка считавшихся некогда запретными проблем, саркастические замечания в адрес инфантильно-рассудочных концепций активизируют мысль читателя и могут вызвать неудовольствие разве лишь у людей, решивших раз и навсегда устранить из философии смех как вредную иррациональную категорию. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что автореферат Э.В. Ильенкова – это, пожалуй, первый из подобных диссертационных документов, в котором нет ни одной цитаты, а вся полезная площадь использована рациональнейшим образом для изложения основного содержания диссертации... Нам кажется плодотворной попытка автора ввести в состав предмета диалектической логики не только традиционно рассматриваемые “внешние формы” мышления, в которых классифицируется и систематизируется знание, добытое в процессе научного творчества, но и само это *творчество* как неотъемлемый признак *действительного мышления*» [Потемкин 2004, 226].

Сегодня подобная манера философствования уже никого не удивляет, она приобрела особую жанровую популярность. Ее с избытком находим в работах западных философов Т. Нагеля [Нагель 2001], С. Лоу [Лоу 2007], Б. Дюпре [Дюпре 2014] и пр., широко использующих художественно-фантастический прием и дискурсную пестроту и простоту в описании современных проблем философии. Увлекательность здесь налицо. При этом ухватить историко-философское развитие идей, понять собственную позицию пишущих, авторское “Я”, содержательную глубину крайне затруднительно. Современной философской публицистике очень не хватает страстности – убежденности, ярко выраженного личностного начала. В каком-то смысле западные философы, популяризируя философию, сводят ее к простейшим примерам, сознательному упрощению, благодаря ассоциациям, близким обывателям, но вульгарным по сути. В какой-то степени они отражают в своей манере письма бартовскую установку о смерти Автора, мировоззрения, всяческих идеалов, эклектично соединяя самых разных философов в “одну кучу”, диаметрально разрывая историю и теорию философии. Степень увлекательности здесь так и не переходит,

с моей точки зрения, в степень содержательности, которая, оказывается, неразрывно связана с личностью пишущего, его педагогической и жизненной позицией.

VI

В отличие от западных популяризаторов, Ильенков умел и последовательно отстаивал собственную философскую позицию, что и сделало его тексты столь привлекательными для современников. Именно это позволяет нам увлекаться им и сегодня, продолжать его читать, дискутировать сквозь время, принимать или оппонировать его авторской позиции, спорить с его идолами и идеалами. Творческая жизнь Ильенкова продолжается прежде всего благодаря уникальному таланту, противоречивости и неординарности его личности. Завершая, хочется отметить, что, как бы Эвальд Васильевич Ильенков ни старался доказать нам всеобщность личностного начала, выражающего совокупность общественных отношений, его научная и жизненная биография, страстная натура и особый психологизм открываются современному читателю в каждой узловой точке его творческого наследия.

Источнику – Primary Sources in Russian

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979 (*Bakhtin M. M. Aesthetics of Verbal Art. In Russian.*)

Дюпре 2014 – *Дюпре Б.* Философия. 50 идей, о которых нужно знать / пер. М. Александровой. М.: Фантом-Пресс, 2014 (*Dupré B. 50 Philosophy Ideas You Really Need To Know. Russian Translation 2014.*)

Ильенков 1945 – *Ильенков Эв.* Занятия по стрелково-артиллерийской подготовке // Красная Звезда. 1945. 21 декабря (*Ilyenkov E. V. Studies in shooting and artillery preparation. In Russian.*)

Ильенков 1960 – *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (*Ilyenkov E. V. The Dialectics of the Abstract and the Concrete in Marx’s Capital. In Russian.*)

Ильенков 1968^a – *Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968 (*Ilyenkov E. V. On Idols and Ideals. In Russian.*)

Ильенков 1968^b – *Ильенков Э.В.* Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. 1968. № 11. (*Ilyenkov E. V. Mind and Brain (An Answer to D. I. Dubrovskii). In Russian.*)

Ильенков 1975 – *Ильенков Э.В.* Интервью Игоря Клямкина: Клуб философов и философы в клубе // Клуб и художественная самодеятельность. 1975. № 18. (*Ilyenkov E. V. Igor Klyamkin’s interview: the club of philosophers and philosophers in the club. In Russian.*)

Ильенков 1976 – *Ильенков Э.В.* Интервью: Соло для Алеши // Комсомольская правда. 1976. 16 декабря. (*Ilyenkov E. V. The interview: Solo for Alesha. In Russian.*)

Ильенков 1984^a – *Ильенков Э.В.* О специфике искусства // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. М.: Искусство, 1984 (*Ilyenkov E. V. About of Art’s specific. In Russian.*)

Ильенков 1984^b – *Ильенков Э.В.* Об эстетической природе фантазии // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. М.: Искусство, 1984 (*Ilyenkov E. V. On the Aesthetic nature of fantasy. In Russian.*)

Ильенков 1991 – *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. (Мыслители XX века) (*Ilyenkov E. V. Philosophy and Culture. In Russian.*)

Ильенков 1997 – *Ильенков Э.В.* Письма с фронта // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. (Книга-диалог). М.: ИФРАН, 1997 (*Ilyenkov E. V. The Letters from the Theatre of the War. In Russian.*)

Ленин 1969 – *Ленин В.И.* ПСС в 55 т. Т. 29. М.: Изд-во Политической литературы, 1969 (*Lenin V. I. Works. In Russian.*)

Лоу 2007 – *Лоу С.* Философские истории. Смешно – о серьезном. М.: АСТ, 2007 (*Law S. The Philosophy files. Russian Translation 2007.*)

Нагель 2001 – *Нагель Т.* Что все это значит? Очень краткое введение в философию / Пер. с англ. А. Толстова. М.: Идея-Пресс, 2001 (*Nagel T. What Does It All Mean? A Very Short Introduction to Philosophy. Russian Translation 2001.*)

Соловьев 1914 – *Соловьев В.С.* О грехах и болезнях. Собр. соч. в 10 т. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 5 (*Solovuyov V. S. About sins and diseases. In Russian.*)

Шкловский 1961 – *Шкловский В.Б.* Художественная проза. Размышления и разборы. М.: Советский писатель, 1961 (*Shklovsky V. B. Art Prose. In Russian.*)

Ярошевский 1973 – *Ярошевский М.Г.* Экзистенциальная психология и проблема личности // Вопросы психологии. 1973. № 6 (*Yaroshevsky M.G.* Existential psychology and problem of personality. In Russian).

Ссылки – References

- Кондрашов 2016 – *Кондрашов П.Н.* Понятие экзистенции в философии Карла Маркса // Человек. 2016. № 2. С. 275–284.
- Мареев 1990 – *Мареев С.Н.* Несколько слов об Ильенкове // Вестник МГУ. Серия: Философия. 1990. № 1. С. 57–63.
- Межуев 2004 – *Межуев В.М.* Эвальд Ильенков и конец в России классической марксистской философии // Э.В. Ильенков в воспоминаниях. М.: РГГУ, 2004. С. 275–284.
- Науменко 2004 – *Науменко Л.К.* Об Эвальде Ильенкове, о времени и немного о себе // Э.В. Ильенков в воспоминаниях. М.: РГГУ, 2004. С. 80–112.
- Ойзерман 1974 – *Ойзерман Т.И.* Формирование философии марксизма. М.: Мысль, 1974.
- Потемкин 2004 – *Потемкин А.В.* О “тайне черного ящика” // Э.В. Ильенков в воспоминаниях. М.: РГГУ, 2004. С. 224–228.
- Пружинин 2007 web – *Пружинин Б.И.* Философский стиль Феликса Трофимовича Михайлова (заметки редактора) // http://rsmu.ru/fileadmin/rsmu/img/lf/cfik/mikhailovskie_chteniya/mch_2007/pruzhinin_2007.pdf

References

- Kondrashov P.N.* The notion of existence in the Karl Marx’s philosophy // *Chelovek*. 2016. Vol. 2. P. 275–284 (in Russian).
- Mareev S.N.* Some words about Ilyenkov // *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 1990. Vol. 1. P. 57–63 (in Russian).
- Mezhuev V.M.* Evald Ilyenkov and the end of classic Marxist philosophy in Russia // *Reminiscences of Evald Ilyenkov*. Moscow, 2004 (in Russian).
- Naumenko L.K.* About Evald Ilyenkov, Time and Me // *Reminiscences of Evald Ilyenkov*. Moscow, 2004 (in Russian).
- Oizerman T.I.* Making of the Marxist Philosophy (tran. into English).
- Potemkin A.V.* About secret of “Black box” // *Reminiscences of Evald Ilyenkov*. Moscow, 2004 (in Russian).
- Pruzhinin B.I.* The philosophical style by Felics Trofimovisch Michailov. Online (in Russian).

Примечания

¹ Данная структура подробно представлена А.Д. Майданским, автором сайта, посвященного Э.В. Ильенкову (<http://caute.tk/ilyenkov/texts.html>).

² В этом контексте пример Ленина может служить ярким “образчиком” русского политического мыслителя. Об эмоциональности и образности его речи наглядно говорят многочисленные статьи; показательны в этом смысле и “Философские тетради”, наполненные не только разного рода подчеркиваниями, зачеркиваниями, курсивами, но и вульгаризмами, острой полемической фразеологией на грани дозволенного, словесной эпатажностью. Чего стоит хотя бы такое ругательство в адрес Гегеля: “вздор! ложь! клевета! NB бога жалко!! сволочь идеалистическая!!!!” [Ленин 1969, 267].

³ Философия, особенно античная, связанная с филологией и языкознанием, была действенным способом ухода от догматики в советское время; ярких имен советских философов, блестяще трудившихся в этой области, можно вспомнить достаточно много, начиная с С.С. Аверинцева, В.Ф. Асмуса, А.Ф. Лосева, Т.В. Васильевой, О.М. Фрейденберг и др.; наша ремарка касается главным образом языка логики, диалектического и исторического материализма, научного коммунизма.